

Воспоминания...

Фото с сайта <http://dshi6-khabarovsk.ru/forum/2-19-1>

Гаврилин
Валерий
Александрович
родился в Вологде
17.08.1939 г.,
умер 28.01.1999 г.
в Санкт-Петербурге.

Наталья Гаврилина: «Все, что касалось Вологды, для Валерия было свято»

В 2014 году нашему земляку Валерию Гаврилину исполнилось бы 75! Но выдающийся композитор ушел из жизни в расцвете творческих сил. Его музыка быстро завоевала признание. Гаврилин стал лауреатом Государственной премии РСФСР им. М.И. Глинки, I премии Всесоюзного песенного конкурса, премии Ленинского комсомола, получил звания заслуженного деятеля искусств и народного артиста РСФСР, Государственную премию СССР и премию мэра Санкт-Петербурга. Балет «Анюта» на музыку Гаврилина был удостоен «Золотого приза» X Всесоюз-

ного телевизионного фестиваля, а через 3 года был поставлен в Неаполе на сцене театра Сан-Карло и назван лучшим спектаклем года в Италии. Но слава не испортила Валерия Александровича. Он по-прежнему оставался искренним, простым, а главное, не равнодушным человеком, и однажды, отдавая дань уважения Вологодчине, написал: «Я сочиняю и живу только тем, чем я напился, будучи в детстве в своем родном крае»...

Чем больше проходит времени со дня его смерти, тем выше потребность современников узнать о том, каким был Валерий Александрович в жизни, его привычках, увлечениях, друзьях. Наш собеседник – вдова композитора, его муза и друг Наталья Евгеньевна Гаврилина.

Знакомство

- В 1956 году я пришла работать воспитателем в интернат при специальной музыкальной школе-десятилетке. Гаврилин учился в то время в 10-м классе, и было ему 17 лет. В первый же день мне поручили заняться стенной печатью. Посоветовали найти Гаврилина, который как бы заведовал стенгазетой. Сначала я «вышла» на Витю Никитина, который был соседом Валерия по спальне. Спрашиваю: «Ты не знаешь, где Гаврилин?» - «А-а, Великий...» Я не сразу поняла, что у Гаврилина было такое прозвище. Говорю: «Ну, не знаю - великий он или не великий, но он мне нужен». Тогда Витя назвал приметы одноклассника: чёрные вьющиеся волосы, очки, шея в плечах. «Но вы его сейчас не найдёте, - добавил парень, - он на этажах». «На этажах» - значит, занимается в одной из свободных комнат на третьем или четвёртом этаже.

Я стала подниматься по лестнице и вижу - навстречу мне спускается Валерий. Спрашиваю: «Вы Гаврилин?» - «Ну, я. А что?» - и испуганно смотрит. Глаза круглые-круглые. Вот так и состоялось наше знакомство.

Спустя много лет жена большого друга Валерия, художника Юры Селиверстова рассказала мне, что Гаврилин как-то признался Юре: «Я в самую первую встречу - тогда, на лестнице - сказал себе: я на ней женюсь».

Соседка брала кочергу и стучала по подоконнику

- Но расписались мы через несколько лет, - продолжает Наталья Евгеньевна. - Валера поступил на первый курс консерватории и осенью признался в своих чувствах. Я долго думала. У нас была большая разница в возрасте. В конце концов согласилась. Увидела такое неподдельное чувство, такую преданность и нежность, что не ответить на это просто не смогла. Он просил моей руки по всем правилам XIX века - у мамы, у бабушки. Все было, как в книжках, на которых меня воспитывали.

- И где стали жить?

- В коммунальной квартире. У нас была 28-метровая комната. В ней всем нашлось место: бабушке, маме, мне и Валерию. Потом мама уехала работать в Опочинский народный театр и взяла с собой бабушку.

Когда родился Андрей, Валерий попросил свою маму Клавдию Михайловну приехать в Ленинград и нам помочь. Он учился, а я работала. Жили вчетвером. А потом появился и ... маленький рояль. Мы взяли его напрокат. Комнату стеллажами перегородили. С одной стороны инструменты поставили, с другой - кровать сыну.

- Соседи не возмущались, что музыка мешала им отдыхать?

- У нас была удивительная квартира. То ли потому, что люди жили здесь с 44 года. То ли потому что соседи замечательные оказались: артист – кларнетист симфонического оркестра и его жена, хормейстер. Так что появление рояля ни у кого никаких эмоций не вызвало.

А вот дальше... Порой из-за соседей приходилось даже менять место жительства.

Помню, в 66 году от Союза композиторов мы получили двухкомнатную квартиру в Купчино. Счастливы были безмерно. В одной комнате даже кабинет сделали. И как только Валерий начинал играть, соседка брала кочергу, выходила на балкон и стучала по жестяному подоконнику. На мой аргумент, что человек имеет право слушать музыку до 11 часов вечера, она заводилась еще больше. В результате в Купчино мы прожили лишь четыре месяца. Пришлось менять новую квартиру. Первый этаж, без ванны, зато никому не мешали... «Понимаешь, - как-то признался Валерий, - когда я сочиняю, и кто-то это слышит, испытываю такое ощущение, будто стою перед ним голый...».

Поэтому мы и дачу купили. Сначала в 70 километрах от города под Ленинградом. Старую, дореволюционной постройки избу делила пополам дощатая перегородка. И хотя было тесновато, но пианино туда мы все-таки привезли.

Валерий мечтал и зимой работать за городом, но из этой затеи ничего не вышло. Топить приходилось два раза в день. А на это просто не оставалось времени.

Он был очень скромным

- Валерий Александрович был ранимым человеком?

- Не то слово... Каждое разочарование в человеке, с которым он находился в приятельских отношениях, для него было равносильно падению в пропасть. Переживал очень сильно.

Когда его педагог, ленинградский композитор

Орест Александрович Евлахов, не принял «Немецкую тетрадь», Валерий очень расстроился. А дома мне сказал: «Все кончено».

Я не композитор. Никто и ничто. Из консерватории надо уходить...».

У людей творческих в жизни редко все гладко складывается. А уж если кризис, то все – жизнь кончилась...

- А как он реагировал на признание, славу, правительственные награды?

- Искренне радовался. Когда в 1967 году стал лауреатом Государственной премии, был просто поражен. Награда для него оказалась полной неожиданностью.

Помню, мы приехали в столицу, поселились в гостинице «Москва». Валерий получил диплом и деньги, и мы помчались в ЦУМ. Сразу же купили ему французские зимние ботинки, выходной костюм. Его у Валерия не было. А потом пошли в магазин «Людмила» за искусственной шубой для его мамы Клавдии Михайловны. Эти шубы тогда только в моду входили.

Но, несмотря на награды, Валерий никогда не зазнавался, не заносился. Был очень скромным. Из-за этого, по мнению писателя Даниила Гранина, так и не смог сделать карьеру.

Для него очень значимо было мнение музыкантов. Георгий Васильевич Свиридов его заметил буквально сразу после «Рус-

С. Михайлом Ульяновым
Фото из домашнего архива

ской тетради», первого сочинения. Знакомство переросло в многолетнюю дружбу. Когда Валерий приезжал в Москву, обязательно встречался с Георгием Васильевичем и наоборот. После встреч со Свиридовым всегда возвращался просветленным и радостным.

Все, что касалось Вологды, для него было свято

- В спектаклях «Черемуха» по рассказу Виктора Астафьева и «Над светлой водой» по пьесе Василия Белова Вологодского драматического театра звучали романсы, специально написанные Валерием Александровичем. Неужели ему не жалко было растрачивать себя по пустякам?

- Для него все, что касалось Вологды, было свято. Всегда писал бескорыстно, никогда не просил гонораров. Правда, впервые музыку к спектаклю он написал для псковского театра. Там шла пьеса Василия Белова «Над светлой водой». Потом ее поставили и в Вологде. И музыка стала звучать уже со сцены вашего театра.

Затем была «Черемуха» и романс, который впоследствии блистательно исполнила Людмила Сенчина. К сожалению, не все ладно получилось со спектаклем «Мой гений» по пьесе вологодского литератора Владимира Аринина. Там звучал только романс. А «Батюшковский вальс», написанный для постановки, стал существовать как отдельное музыкальное произведение.

«Анюта» в Москве и «Анюта» в Неаполе

- О балете он никогда не думал. В свое время Валерий Александрович написал музыку к телефильму Александра Белинского «Театральные истории», снятому по рассказам Чехова. И вдруг звонок от Александра Аркадьевича: «Валерий, на радио я нашел ваши очень хорошие фортепианные произведения. Мне кажется, что они звучат по-чеховски. Помогите. Я хочу сделать балет по рассказу «Анна на шее» с Максимовой и Васильевым. Вы не против оркестровки?» - «Не знаю». - «Попробуйте»...

А через некоторое время Валерий написал письмо Белинскому, что, мол, та музыка никакого отношения к Чехову не имеет. Режиссер стал его уламывать, ставить «Анюту» согласился Владимир Васильев. Когда Белинский предложил послушать вальс, вопрос решился.

Фрагмент балета «Аида»
Фото из домашнего архива

Но у Валерия было много работы. Для оркестровки пригласили другого композитора. Гаврилин был недоволен. Поэтому предложил обратиться к дирижеру Станиславу Горковенко, который хорошо чувствовал музыку композитора.

Станислав Константинович согласился и сделал оркестровку нескольких фортепианных вещей. Потом специально для балета Валерий сочинил вальс и предложил некоторые номера из «Скоморохов».

Музыка действительно оказалась изумительной. Причем, обычно балет переносили на телеэкран. А тут – наоборот. С телевидения перенесли на сцену Большого театра. В Неаполе была премьера. После Большого театра балет поставили в Риге, Казани, Челябинске, Перми. Лишь ленинградские театры к «Анюте» оказались равнодушны.

Музыка и книги

- Что помогало ему в трудные минуты?

- Музыка и ее сочинение. Он был одним из немногих современных композиторов, которые в день играли по 3-4 часа. Не садился за рояль лишь тогда, когда очень плохо себя чувствовал. Иногда целыми днями играл Верди, иногда Чайковского. Все время учился у великих – то у Мусоргского, то у Мендельсона, то у Шуберта. В записках, которые вошли в книгу «О музыке и не только», он написал: «Ура! Сегодня проиграл всего Шумана». Его Валерий играл...пять лет!..

- А книги?

- Читал по несколько часов в день. Причем, всегда знал, что ему надо. В поисках нужной книги мы обходили буквально все букинистические магазины. Он никогда не гонялся за собраниями сочинений, модными авторами. Приобретал только то, что

ему было необходимо. Поэтому в его библиотеке – Глеб Успенский, Александр Герцен, Лев Толстой, Николай Гоголь. Всегда интересовался окружением писателя или композитора. Согласитесь: если бы не было Батюшкова, Баратынского, Вяземского, вряд ли бы появился Пушкин.

Писатели – вологжане и «Рубцовский вальс»

Валерий хорошо знал литературу XIX века, и круг его интересов был очень широкий. Находилось место на книжных полках и писателям – вологжанам. Очень любил Гиляровского. Когда узнал Шаламова, у нас сразу появились «Колымские тетради», «Дневники». Из Вологды он увез несколько журнальчиков «Лада». Там печаталась «Четвертая Вологда». А через некоторое время у нас в доме появилось ее отдельное издание.

К пониманию Рубцова, хотя у нас и были маленькие сборники, Валерий пришел не сразу. Он хотел по стихам поэта написать большое сочинение, но не успел. А черновики... Их Валерий никогда не оставлял. Записывал только окончательный вариант. Причем, была идея сделать запись совместно с вологодскими хоровыми коллективами.

Когда появились диктофоны, я предложила купить его для работы. Валерий отказался, сославшись на то, что «эта штука

будет стоять на рояле и мешать»... А записывать втихаря я бы не решилась.

За три дня до смерти «Рубцовский вальс» он играл Александру Белинскому. Обычно я не спрашивала: «Записал ты или нет?». Это было табу. А тут не выдержала и поинтересовалась. Он ответил: «Нет. Надо еще в финале кое-что доделать».

И в Летний сад гулять ходил

На балконе - фото Р Кучерова

- Валерий Александрович дарил вам свои сочинения?
- Собирался посвятить второй «Вечерок», но до конца его так и не записал. Зато в 1991 году подарил номер «Вянет алый цвет» с надписью «В день рождения Н.Е. Гаврилиной 24 января 1991 года посвящение Ia mento из «Вечерка» №2. С любовью. Санкт-Петербург».

- В Ленинграде у вас были любимые места отдыха?
- Конечно. Мы расписались 22 июня 1959 года и на первых порах эту дату дома не праздновали. Уезжали гулять в Центральный парк культуры и отдыха. Прекрасная погода, белые ночи...

Очень любили Летний сад, Прачечный мост. Валерий обожал закаты, и мы ходили ими любоваться. Любил смотреть на воду. И просто обожал Репино, Дом творчества композиторов. Там он много гулял и очень удивлялся, глядя на музыкантов, которые сидели в коттеджах и никуда не выходили.

Страшно переживал, когда начались проблемы с ногами. Он же много и быстро ходил. Однажды мы даже совершили 30-километровый переход из Царского села. Я еле-еле плелась, а Валерий шел очень быстро. Он был очень выносливым. То убыстряет шаг, то замедляет. То в одном темпе, то в другом.

Если он говорил: «Я пошел гулять», я оставалась дома. Во время прогулок он часто сочинял музыку, и одиночество было просто необходимо. Домой вернется, на рояле что-то проверит и успокоится.

Жизнь с гением

- Находиться рядом с таким человеком было трудно?

- Мне кажется, брак с любым человеком труден. А с гением... Ему надо было дать возможность работать, не мешать, принимать определенные правила и обеспечивать необходимую обстановку. А главное – любить...

- Вы отмечали семейные праздники?

- Конечно. К нам на дачу всегда приезжали родственники, друзья. А два дня рождения вообще провели в Вологде.

Иногда приглашали друзей на Новый год. Валерий безо всяких уговоров садился за рояль и играл свои сочинения, романсы. Гости с удовольствием пели. Валерий всегда поддерживал кампанию, особенно любил песню «Миленький ты мой»...

С учительницей Томашенкой - фото В. Метельков

Правда, бывали периоды, когда он не хотел видеть в доме большого скопления людей. Спрашивал: «Неужели на твой день рождения опять соберется много гостей?» Я отвечала: «Если даже никого не приглашу, они все равно придут». - «Ну ладно», - покорно соглашался Валерий.

- А какие подарки дарили друг другу?

- Разные. Причем, у Валерия был очень хороший вкус. Помню, на 20-летие свадьбы на Невском в магазине народных промыслов купил мне шаль ручной работы.

Обязательно приносил цветы... Полевые, фиалки. Невероятно любил незабудки. За ними готов был идти на какое угодно болото, выкапывал вместе с корнями, и цветы мы везли в Ленинград.

С течением времени совершенно стал равнодушен к гвоздикам.

А в мой последний день рождения, несмотря на то, что уже было трудно ходить, сердце давало сбой, протянул пакетик, в котором лежали мои любимые духи – «Красная Москва» и «Талисман любви».

Правда, «Талисман любви» и сейчас сопровождает меня. Каждый раз, когда я приезжаю в Вологду, Татьяна Дмитриевна Томашевская, его любимая учительница, мне обязательно дарит эти духи.

В популярности мадам Брошкиной не нуждался

- Многие обижались, что в последние годы Валерий Александрович не подходил к телефону.

- Валерий был человеком несуетным, и выходить в любую минуту из атмосферы творчества для него было трудно. Поэтому говорил: «Меня сегодня к телефону не звать. Кто бы ни звонил». Объяснял: «Мне очень трудно переключаться с того, где я там нахожусь (он так и говорил - ТАМ), на общение с кем бы то ни было ЗДЕСЬ».

Он часто болел, испытывал сильные головокружения. А окружающие воспринимали это как отговорки, нежелание с ними общаться. Хотя, возможно, кто-то действительно обижался.

- Перед выходом на сцену Валерий Александрович волновался?

- Очень. И истово кланялся не только залу, но и артистам. Когда его произведения исполнял хор Минина, благодарил каж-

дую хористку, щекой к руке прижимался. Специально этого не сделаешь. Очень дорожил мнением публики. Его даже как-то обвинили в том, что композитор ищет популярности. Хотя в популярности мадам Брошкиной Валерий никогда не нуждался. У него все было иное.

Он все пропускал через сердце

- С началом перестройки Валерий стал интересоваться политикой. В доме постоянно лежал ворох газет, журналов. Переживал все очень эмоционально. И просто страдал, особенно из-за развала Советского Союза. Я говорила: «У тебя было два инфаркта. Слабое сердце. Нельзя так переживать!..» А он мне в ответ: «Да ты что! С ума сошла! Как я буду абстрагироваться! Разве тогда я смогу музыку писать!»

Он всё пропускал через сердце. Какое страшное разочарование наступило, когда он понял, что за словами большинства политиков ничего не стоит! В один из приездов в Вологду на вопрос «Как вам сегодня работается?» Валерий Александрович ответил: «Плохо. Очень плохо. Жизнь ничего не дает для музыки, кроме боли. Она тоже разная бывает. Иногда побуждает к творчеству. А эта боль разрушает личность. Людям нанесли страшный удар. Боюсь, на этот раз под самое сердце. Им дали понять нагло, цинично: в мире побеждают негодяи. Тот, кто жил не по совести – таскал, хапал, оказался на коне...»

У него был порок сердца, который проявляется в 20 случаях из 100. Потом один инфаркт, через полгода – второй, очень обширный. Хотя после него Валерий прожил еще 9 лет.

Наша знакомая, очень хороший кардиолог, советовала делать операцию за границей. Но не было денег. А просить... Без меня он бы никуда не поехал. А на двоих требовались немис-

С Георгием Товстоноговым
Фото из личного архива В. Гаврилина

лимые средства. И потом, не было никаких гарантий благополучного исхода. Евстигнеев умер в заграничной клинике, наш питерский хореограф Кузнецов тоже. Друзья говорили: «Надо к Акчурину!» Но мы не имели возможностей Ельцина!..

У Валерия вообще здоровье было неважное. Тем не менее, он не сдавался, а обычно говорил: «Сколько Богом отпущено, столько и проживу...»

Лина Абдюшкина

Для справки:

Имя Валерия Гаврилина присвоено Вологодской областной государственной филармонии, детской школе искусств Приморского района Санкт-Петербурга. Его именем названы улица в селе Кубенское Вологодской области, Малая планета № 7369.

А главным событием юбилейного года в Вологде стал VI Международный Гаврилинский фестиваль. В нем приняли участие именитые музыканты и исполнители России, гости из Испании и Италии, а также вологодские и череповецкие исполнители. Специально к фестивалю государственный ансамбль «Русский Север» Вологодской областной филармонии имени Валерия Гаврилина подготовил премьеры сразу двух одноактных балетов по произведениям Валерия Гаврилина: «Скоморохи» и «Дом у дороги».